

Когда весть дошла до Ецзина, был уже конец девятого месяца. Здоровье императора Аньцина и без того сильно пошатнулось, а прочтя донесение, он от гнева плевался кровью. Наследный принц Сяо Циань вполне естественно взял на себя управление государством и созвал первого министра с прочими сановниками для обсуждения дел.

Вновь назначенный председатель Храма Тайфу сохранял еще сострадание в душе и предложил наследному принцу отправить людей на юг, чтобы тщательно расследовать захват земель местными богатеями и влиятельными кланами, истребить южную знать, а заодно освободить простой народ от налогов и открыть амбары для помощи голодающим. В конце концов, острое народного восстания было направлено против местной знати, и если бы двор сумел вовремя успокоить людей, то снискал бы добрую славу.

Председателем Храма Тайфу стал прежний заместитель, а до того — правитель округа Чанъян, поэтому в тонкостях расстановки сил в Ецзине он разбирался плохо. Он не знал, что южные богатеи дерзали творить подобный произвол лишь потому, что были тысячами нитей связаны с именитыми кланами Ецзина, придворными чиновниками и даже с двумя принцами.

Юг был богат — разве могли эти люди упустить свою выгоду?

Наследный принц лишь насмешливо фыркнул, отвергнув предложение председателя Храма Тайфу, и холодно бросил:

— Эти простолюдины осмелились поднять бунт. Неужто мы спустим им это с рук?

В тот же день императорский указ, скрепленный печатью государя, спешно отправили на юг. Расквартированные там войска, получив приказ, выступили в полном составе и вырезали несколько тысяч бунтовщиков. Народ юга, так долго боровшийся за свои права, дождался лишь кровавой расправы со стороны императорской армии.

Простой люд пришел в неистовство. Однако вслед за этим последовало вовсе не затишье, на которое рассчитывал наследный принц. Беспощадная бойня вызвала еще более свирепый отпор: люди сплотились в войска и с отчаянной яростью вступили в бой с армией. Гарнизоны Цинчжоу, Юнчжоу, Жуаньчжоу и других земель давно забросили учения и обленились. Столкнувшись с ослепленным местью народом, они трусили и после первых успехов стали терпеть поражение за поражением. Сначала пал Цинчжоу, затем Юнчжоу, а следом под угрозой оказался и Жуаньчжоу.

Жуаньчжоу защищал подступы к Ецзину, и если бы он пал, повстанцы смогли бы подойти вплотную к столице. Только тогда наследный принц впал в панику. Встревоженный император Аньцин, пересиливая болезнь, созвал придворных на совет.

Фракция Шу-гуйфэй, долгое время затаившаяся, воспользовалась случаем, чтобы добить противника, и начала наперебой призывать к импичменту наследного принца и его сторонников. Другие же чиновники, привыкшие юлить и сглаживать углы, призывали наказывать обе стороны, долго напускали туману, но так и не предложили ни одного толкового решения.

Император Аньцин заходил от гнева в кашле и, указав пальцем на Шэньту Бо, спросил:

— Что думает о сем любезный Шэньту?

Шэньту Бо с самого начала выступал против силового подавления, но наследный принц поступил по-своему, что и привело к катастрофе. Видя, что при дворе вместо поиска выхода из кризиса лишь делят власть да бьют по лежащему, он испытывал смешанные, трудноописуемые

чувства.

Услышав вопрос императора Аньцина, он на мгновение замолк, а затем, следуя зову сердца, произнес:

— Было бы лучше отправить Бэйчжань-вана подавить мятеж.

Едва прозвучали эти слова, в зале приемов воцарилась тишина. Однако на этот раз никто не посмел возразить. Напор южных бунтовщиков был слишком удручающим, и если бы кто-то выступил против, затянув время и позволив мятежникам захватить Жуаньчжоу и прорваться к Ецзину, то за такую ошибку казнь грозила бы всем девяти поколениям его рода.

Император Аньцин долго и пристально смотрел на Шэньту Бо и наконец утомленно произнес:

— Объявите волю государя: повелеваю Бэйчжань-вану незамедлительно вести войска в Юнчжоу для подавления мятежа!

Автор хочет сказать: Сонсон: «Сегодня меня так часто вспоминают».

Яньчжоу.

Шел десятый месяц. Погода в Яньчжоу постепенно становилась все холоднее. В прошлые годы в это время люди либо тревожились о том, как пережить зиму, либо находились в постоянной готовности к нападению бэйдийцев, готовясь к войне. Однако этой осенью в Яньчжоу, вопреки обычаю, царило совсем иное оживление.

Осень — пора сбора урожая. Хотя земля здесь была скудной, а весной случился снежный буран, из-за чего осенний урожай оказался даже меньше обычного, люди ничуть не унывали. Бэйчжань-ван сперва отменил налоги на этот год, а затем развернул масштабные работы по рытью каналов и арыков. Простые люди, пошедшие на стройку, получали не только провизию, но и жалованье. С лета до осени накопленных провианта и денег с лихвой хватало, чтобы пережить зиму, а вместе со собранным урожаем в этом году можно было даже пышно отпраздновать Новый год.

К тому же угроза со стороны бэйдийцев миновала, так что в самом городе Яньчжоу царила атмосфера радости и веселья.

В поместье генерала Ань Чанцин, поглаживая уже заметный живот, неустанно разбирал бумаги, принесенные Ань Фу.

В середине девятого месяца живот начал округляться, а к десятому месяцу стал настолько большим, что одежда уже не могла его скрыть. Поэтому Ань Чанцин просто сказался больным и остался в поместье, чтобы спокойно восстанавливать силы.

Слуг в поместье тщательно отобрали: остались лишь надежные, верные люди с пожизненными договорами, способные держать язык за зубами. Остальных перевели служить во внешний двор. Ху Шифэй и Юй Сяо поселились прямо в поместье и уже начали готовиться к будущим родам.

Едва разнеслась весть о болезни, Ци Вэй и прочие чиновники из управы пришли навестить его, но Сяо Чжигэ выставил всех за дверь под предлогом того, что больному нужен полный покой. Однако множеством дел управы Яньчжоу и Ремесленной мастерской прежде заправлял Ань Чанцин, и без него все словно лишилось головы. Чиновники и управляющие Ремесленной

мастерской несколько раз приходили с просьбой о встрече, чтобы Ань Чанцин принял решения. Сяо Чжигэ хотел было воспрепятствовать этому, да только самому Ань Чанцину уже наскучило сидеть без дела. Обсудив дела через ширму, он велел Ань Фу приносить стопки документов прямо в поместье.

Узнав об этом, Сяо Чжигэ омрачился ликом, но не осмелился запретить ему читать бумаги. В итоге они пришли к компромиссу: Ань Чанцину разрешалось заниматься делами не больше двух часов в день.

Ань Чанцин закончил писать пометки на очередном документе и только отложил кисть, как дверь кабинета отворилась. Сяо Чжигэ вошел широким шагом и произнес:

— Время вышло.

Взглянув на водяные часы на полке, Ань Чанцин тихо пробормотал:

— Князь точнее водяных часов.

Сяо Чжигэ сделал вид, будто ничего не слышал, собрал разложенные перед ним бумаги и велел Ань Фу отнести их в управу. Затем он взял супруга за руку и повел наружу:

— Сначала сделаем пару кругов по саду. На ужин приготовили молочный кисель, потом съешь побольше.

Держась за руки, они прошли по крытой галерее и вышли в сад за домом.

Сад давно перестроили: искусственные горки, журчащие ручьи, беседки и павильоны — все было на своих местах, сделав его куда роскошнее, чем в день первого приезда Ань Чанцина. С тех пор как у Ань Чанцина округлился живот, Сяо Чжигэ каждый день перед ужином выходил с ним на прогулку.

Сделав два круга по саду и немного размявшись, они вернулись в главные покои к ужину.

Блюда также готовили с особым старанием. Поваров из военного лагеря сменили лучшие мастера, специально приглашенные из Ецзина. Яства были изысканными и вкусными, но порции оставались небольшими. Стол ломился от тарелок и блюдец, но каждого кушанья хватало лишь на два-три укуса.

С тех пор как животик стал заметен, аппетит Ань Чанцина постепенно уменьшился. Хотя сам он выглядел заметно пополневшим, Сяо Чжигэ, глядя на его растущий день от дня живот, всякий раз ужасно боялся, что юноша недоедает, и заставлял поваров изгаляться над блюдами, лишь бы выманить у него лишний кусочек.

Глядя на Сяо Чжигэ, который во время еды выглядел так, словно готовился к смертельному бою и жаждал пообедать за него, Ань Чанцин мог лишь тихо вздыхать. Раньше, когда живота еще не было видно, Сяо Чжигэ казался довольно спокойным. Но как только животик вырос, князь совсем потерял голову. Мало того что он перенес все государственные дела в поместье, так во время трапез он готов был буквально по зернышку кормить супруга. Когда аппетит у того был хорошим и он съедал лишнего, Сяо Чжигэ боялся, что плод вырастет слишком большим и ляжет неправильно. Когда же Ань Чанцин ел мало, князь тут же тревожился, не недомогает ли тот.

Ань Чанцину казалось, что из них двоих именно Сяо Чжигэ выглядит беременным — весь день

напролет он не находил себе места от беспокойства.

Сегодня за ужином Сяо Чжигэ был необычайно молчалив. Спокойно поужинав, Ань Чанцин только тогда осознал, что молчание супруга кажется странным. Положив палочки и вытерев руки платочком, поданным Ань Фу, Ань Чанцин с замешательством посмотрел на него:

— Что случилось?

Сяо Чжигэ на мгновение замолк, после чего достал из рукава донесение и протянул его супругу. Ань Чанцин озадаченно взял бумагу. Перечитав ее, он ожесточился ликом и с холодной насмешкой произнес:

— Наследный принц разворошил осиное гнездо, а теперь расхлебывать кашу заставляет тебя.

Ситуация на юге разворачивалась именно так, как и предполагал Сяо Чжигэ, вот только он не ожидал, что взрыв произойдет столь стремительно. По его расчетам, юг должен был окончательно погрузиться в хаос лишь после того, как Ань Чанцин родит, после чего император Аньцин после недолгих колебаний отправит его на подавление бунта. Однако наследный принц оказался куда более самонадеянным и глупым, чем виделось Сяо Чжигэ, а военачальники на юге — еще более беспомощными: бунтовщики уже едва ли не вламывались к ним в дома.

Конфликт обострился, и срок его выступления на подавление мятежа сместился на более раннее время.

Ань Чанцин был уже на шестом месяце беременности. Согласно записям в безымянном трактате, мужчина, упомянутый там, рожал почти на два месяца раньше женщины: если женщина вынашивала дитя десять месяцев, то Ань Чанцину требовалось лишь восемь, так что роды выпадали на двенадцатый месяц.

До родов оставалось всего два месяца, а Сяо Чжигэ должен был уехать на юг подавлять мятеж... Что, если он не успеет вернуться вовремя?..

Его невысказанную тревогу Ань Чанцин понял без слов.

<http://bllate.org/book/18381/1767847>